

BOŻENA ZOJA ZILBOROWICZ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2850-6308>

Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu

СОН О РОССИИ МИФОЛОГЕМА «ДЯДО ИВАНА» В БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

THE DREAM ABOUT RUSSIA. THE MYTHOLOGY OF "DJADO IVAN" IN BULGARIAN CULTURE AND LITERATURE

The aim of the article is a historical and philological analysis of the mythology of Dyado Ivan (Russia-Liberator) in Bulgarian culture and literature. The faith of the Bulgarian people in the liberating mission of Russia for centuries had a religious character, which is clearly visible both in folklore and in literature. The apogee of mythologization falls on the 19th century — the period of the Bulgarian national revival. Prominent artists of that era (Lyuben Karellov, Georgi Sava Rakovski, Petko Slaveykov, Ivan Vazov) sacralized the Russian tsars, and wrote about Bulgaria's ties with Russia using family and love metaphors. Only the war in Ukraine began to verify the centuries-old Bulgarian dream of Russia.

Keywords: myth, Russia, Bulgaria, mission, russophilism

В болгарской национальной мифологии важное место занимают мотивы связанные с Россией. «При всем их разнообразии самые старые, основные темы — констатирует Николай Аретов — можно свести к двум» взаимосвязанным

фигурам — Дядо Ивана [переводится как «Дед Иван» или «Дедушка Иван» — Б.З.З.] и Райны, болгарской царевны. [...] Не будучи частью одного сюжета, они удачно дополняли друг друга; более того, история Райны (особенно вариант, связанный с апрельским восстанием [1876 года — Б.З.З.]) предполагает появление освободителя Дядо Ивана¹.

Как, ждущая своего покровителя и освободителя, красивая, но пассивная Райна, отождествлялась с Болгарией, так ожидаемый

¹ N. Aretov, *Forging the myth about Russia: Rayna, Bulgarian Princess // Semantyka Rosji na Balkanach*, ред. J. Sujecka, т. 1, Instytut Badań Interdyscyplinarnych „Artes Liberales” Uniwersytet Warszawski & Wydawnictwo DiG, Warszawa 2011, с. 69, 83. Если не обозначено иначе, все переводы мои — Б.З.З.

освободитель появлялся в виде активного, мужественного Ивана, то есть России². В данном контексте немаловажным является замечание Аретова:

Хотя в разной степени генезис обеих мифологем связан с Россией, обе были последовательно навязаны разными механизмами как русской, так и болгарской пропаганды. Несмотря на то, что обе мифологемы предполагают довольно негативный образ болгарина, они во многом интериоризированы, воспринимаются как свои, а попытки быть если не деконструированными, то хотя бы рационально понятыми, встречаются скорее сопротивление, причем не только со стороны русской власти³.

Мифологема «Дядо Ивана» имеет более мощную корневую базу, связанную с культурой, этносом, традицией и прежде всего с православной конфессией. Особую популярность она приобрела в доосвобожденский период Болгарии, когда на Россию возлагались надежды сбросить с себя, длившееся почти пять веков, турецкое иго⁴. Вопрос о времени и обстоятельствах её возникно-

² См. там же, с. 69, 71. Ср. иную мысль Аретова: «Возникает неожиданная аналогия. И англичане, и русские, и сами болгары часто представляют Болгарию через архетипический образ красивой, но беззащитной девушки, которую должен вызволить из рук похитителей — неверующих или злонамеренных иностранцев — другой иностранец, добрый, красивый и храбрый. Очевидно, что британские образы Балкан, с одной стороны, и болгарские и русские образы болгар, с другой, имеют определенные сходства, и они явно не случайны. В некоторых красноречивых версиях роль спасителя отводится благожелательному иноземцу (который, как правило, является для автора 'своим') — Святославу, Деду Ивану, западному князю — как бы тоже имеющему право на болгарскую корону. Возможно, во всех этих случаях можно найти 'империализм воображения', как удачно выразилась Голдсуорси. Другой вопрос, могут ли и в какой мере быть прямые связи между разными вариантами этого сюжетного узла и каково главное направление воздействия. Третьей, особенно важной проблемой является готовность болгарской общественности принять и усвоить подобные образы и мифологемы и, таким образом, 'самоколонизироваться'. Н. Аретов, *Изковаването на мита за Русия. Райна българска княгиня*, «LiterNet» 2012, № 2, <https://litenet.bg/publish8/naretov/russia.htm> (02.02.2023). Поднятый Аретовым вопрос «имперского» взгляда на Балканы является главной темой книги упомянутой им Весны Голдсуорси, см. V. Goldsworthy, *Inventing Ruritania. The Imperialism of the Imagination*, Yale University Press, New Haven-London 1998. Ср. М. Todorova, *Imaging the Balkans*, Oxford University Press, New York 2009 [перв. изд. — 1997].

³ Н. Аретов, *Изковаването на мита за Русия...*

⁴ В конце XIV века Второе Болгарское царство было завоёвано Османской империей. После поражения Турции в войне с Российской Империей в 1878 году Болгария получила частичную автономность. Полную независимость

вения оспаривается болгарскими исследователями, в зависимости от того наделяют они этот миф светским или религиозным смыслом.

Юрдан Трифонов считает, что характер веры в Дядю Ивана с самого начала был близок религиозному культу. О том, что поверье старше второй половины XVIII века, свидетельствуют черты, которые приписывались Дядю Ивану в народе, например, представление о российском царе-рыбаке. Ссылаясь на русского слависта и фольклориста XIX века Владимира Качановского, исследовавшего фольклор западной Болгарии, Трифонов приводит легенду о рыбаке, получившем от болгарского царя пруд. На протяжении 50 лет царь ловил рыбу и продавал ее местным жителям. Однажды решил просушить пруд и переменить его в пахотную землю. Во время раскопок на дне пруда он нашел три пушки: св. Николы, св. Петра и св. Архангела. Когда ему приходилось бороться с врагом, пушки самостоятельно обращались в нужном направлении. Таким образом он завоевал много земель и стал самым могучим царем на земле⁵.

В сказании, записанном в Македонии, говорится о усилении значения русского царя в результате того, как двум русским сыновьям министров, сознательно бежавшим из России в Константинополь и притворявшимся обращенными в магометанство, удалось уговорить султана прислать в Россию Крест Господень и голову св. Иоанна Крестителя, хранившиеся в султанской казне. Султан послал эти святыни русскому царю в подарок в обмен на серебряную мечеть с чудесными часами наверху. Этот рассказ указывает на XVI и XVII века, когда монахи и епископы из разных мест Турции ездили в Россию за помощью, привозя с собой мощи, иконы и кресты, которые они оставляли своим щедрым и благочестивым жертвователям. Этим святыням и русские, и сами монахи приписывали особую силу и верили, что они привлекают на русскую землю милость Божию, даровавшую им свое гостеприимство⁶.

Третье Болгарское царство провозгласило только в 1908 году.

⁵ См. Ю. Трифонов, *Историческое объяснение на вярата в «Дяда Ивана» (Русия) у българския народ*, «Библиотека на Славянска Беседа» [София] 1908, кн. 1, с. 26; *Памятники болгарского народного творчества*, собр. В. Качановский, вып. I. *Сборник западноболгарских песен*, Типография Императорской Академии Наук, Санкт-Петербург 1882. с. 213–214.

⁶ По: Ю. Трифонов, *Историческое объяснение на вярата в «Дяда Ивана»...*, с. 34–35.

Для определения времени возникновения веры в освободительную миссию России-Дядо Ивана особое значение имеют проповеди о освобождении Царьграда/Константинополя. После падения столицы Византии (1453) православные под турецким игом обратились в сторону Москвы — единственного независимого в то время центра православной ортодоксии. На Руси стали распространять мнение, что русский царь является наследником византийского императора. *Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г.* Нестора Искандера, участника осады столицы Византийской империи,

[...] привлекла особое внимание, ибо в ней рассказывалось о пророчестве Льва Премудрого, гласившем, что «русый» народ освободит Царьград от неверных. Автор увидел в «русых» — русских. Его толкование было с восторгом принято на Руси как доказательство того, что освободителями Константинополя будут русские⁷.

Стоит заметить, что идею исторической миссии Москва заимствовала непосредственно из Болгарского царства (независимого от Византии), где образовалась профетическая традиция. Стремясь прославить болгарскую столицу в Тырнове, летописцы объявили её новым Римом, вместо Рима античного. В 1390 году болгарский монах из Тырнова Киприан стал митрополитом в Москве, тем самым положив начало процессу болгарского влияния. В течение следующего столетия люди и идеи проникали на север, в Москву, способствуя развитию мессианских амбиций⁸.

Легитимацией стремлений Москвы к наследству не существующего уже второго Рима-Константинополя была свадьба царя Ивана III с Софией Палеолог — дочерью брата последнего императора Византии. В царствование Ивана III имя «Иван» распространилось между болгарами и другими православными народами как имя нового сильного православного правителя, преемника византийских императоров, владыки обширных земель и великих богатств, того, который победил татар и не преклонялся перед султаном. Тот фундамент, который заложил Иван III на вере в освободительную миссию русского народа,

⁷ М. Геллер, *История Российской Империи*, т. 1, Издательство «МИК», Москва 1997, с. 151.

⁸ См., например: Н. В. Сеницына, *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)*, Издательство «Индрик», Москва 1998.

мог бы бесследно исчезнуть, если бы не подкреплялся деяниями славного внука — Ивана IV Грозного. В 1548 году весь православный мир узнал и официально признал, что приобрел своего царя. В том же году Патриарх Константинопольский Иоасаф по просьбе Ивана Грозного подтвердил его царский титул, а также повелел, чтобы его имя упоминалось во всех храмах, где служили епископы, как некогда упоминалось имя византийского императора. На балканском полуострове говорили о Иване Грозном «наш царь Иван»:

Иван IV был самым самодержавным христианским правителем в Европе того времени. Князья и бояре в страхе и трепете пали к его ногам. Он был и благочестивей наших старых [болгарских — Б.З.З.] и византийских царей: в процессиях и во времена покаяния грозный царь являлся в монашеском одеянии; и из его щедрой руки текли реки даров и золота патриархам, митрополитам и монастырям, брошенным под тяжелое ярмо ислама. Мог ли быть более идеальный царь для наших предков, а особенно для монахов? Кто принес им известия о нем? Только такой грозный для магометан и католиков «Дед Иван», с которыми он еще и воевал, строго благочестивый, законный наследник престола Константина, — только он мог, по их глубокому убеждению, воздвигнуть крест над «Св. Софией» и раздавить голову свирепого змея, обвивавшего тело православного христианства и сосущего его кровь⁹.

Вышеуказанную позицию оспаривает Иван Снегаров считая, что миф «Дядо Ивана» наделен светским характером — рождение данного изображения ученый датирует концом XVIII века и связывает с появлением русских войск на северо-востоке Балкан¹⁰. Согласно концепции Ирины Ф. Макаровой, возникновение мифического образа обусловлено расселением на территории Добруджи и на северо-востоке Болгарии в конце XVIII столетия казаков-старообрядцев как результат булавинского бунта на Дону в 1707 году. В фольклоре русского казачества на протяжении веков бытовали песни об Иване Грозном, в том числе и о казанском походе и о победе над мусульманами. Образ древнего царя-освободителя мог быть перенят и актуализирован православными болгарскими под турецким игом. Как суммирует Макарова: «Если ситуация складывалась именно так, то неудивительно, что среди болгар, сознание которых было хорошо подготовлено

⁹ Ю. Трифонов, *Историческо объяснение на вярата в «Дяда Ивана»...*, с. 52.

¹⁰ См. И. Снегаров, *Културни и политически връзки между България и Русия през XVI–XVIII вв.*, Синодално книгоиздателство, София 1953, с. 25.

к восприятию сюжетов мессианского толка, этот образ быстро нашел многочисленных почитателей»¹¹.

Здесь стоит заметить, что Трифонов, опровергая светский характер мифологемы, подчеркивает, что ни в XVIII ни в XIX веках имя Иван не встречается среди русских царей и полководцев. Также обыкновенный русский воин — Иван (популярное русское имя), с каким сталкивался такой же обыкновенный болгарин, не мог послужить прототипом хорошего Деда Ивана. Обиды и ущерб, какие поносили местные жители со стороны русских солдат иногда сравнивались с турецким насилием. Тем временем определение «Дядо» вызывает чувства уважения и почтение к авторитету. Поскольку вера болгар в освободительную силу России приобретала почти религиозный характер, фигура «Дядо Ивана» однозначно ассоциировалась с царем наделенным божественной мощью.

Несмотря на генезис мифа его распространению и популярности в болгарском национальном сознании в большой степени поспособствовала деятельность писателей и публицистов эпохи Возрождения¹². В конце XVIII—начале XIX вв. известный болгарский деятель епископ Софроний Врачанский побывал в России с политической миссией. Вместе с другими представителями болгарского народа Иваном Замбиным и Атанасом Николаевым они посылали письма русскому царю с просьбой принять Болгарию под протекторат русского государства. Во время русско-турецкой войны 1810–1812 г. Врачанский неоднократно призывал своих соотечественников поддержать русские войска, которые пришли освободить братьев-христиан¹³. Переломным стал XIX век, когда многие славянские народы, лишённые своей государственности, рассчитывали на Россию. Первым документированным свидетельством мифа «Дядо Ивана», появившимся в эпоху болгарского возрождения, является высказывание Ивана Селиминского (50-ые годы XIX века): «В секретных разговорах

¹¹ И. Ф. Макарова, *Болгарский народ в XV–XVIII вв.*, КомКнига, Москва 2005, с. 172.

¹² Болгарское национальное возрождение (XVIII–XIX вв.) — восстановление болгарской государственности, которому сопровождалось как борьба за национальную независимость, так бурное возрождение культуры. См. например: И. И. Стоянов, *История на Българското възраждане*, Издателство «Абагар», Велико Търново 1999.

¹³ См. например: Н. Аретов, *Софроний Врачански: живот и дело*, Кралица Маб, София 2017.

болгары называют турков зелеными — из-за цвета тюрбанов. Русский в их шифровке — это Иван, а русский император — Дедушка Иван»¹⁴. В литературной практике начала XIX века мифологическая картина Дядо Ивана еще не сформулировалась, она функционирует рядом с другими достаточно распространенными фразами: «северный ветер», «северное солнце» или «двуглавый орел». Известный поэт Добри Чинтулов во время пребывания в Одессе пишет: «О, ветер северный на Болгарию подуй / грусть с глаз её развей. / О, солнце северное, / пусть светят твои лучи». Однако ни один из этих образов не достиг такой популярности как фигура Дядо Ивана — «северный ветер» и «северное солнце» вероятно из-за высокой степени абстракции и метафоричности, зато „двуглавый орел” мог казаться слишком официальным, а кроме того ассоциировался с империяльными претензиями царской России. Определение «Дядо Иван» было достаточно конкретным и фамильярным¹⁵.

В первой половине XIX века болгаро-русские отношения новыми идеями обогатило русское славянофильство. Филолог и историк Юрий Венелин в книге *Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам* в романтическом духе идеализировал болгарское прошлое, обращался к русским с просьбой помочь страдающим болгарам, больше всех пострадавшим при турецком иге. Его работа сыграла особо важную роль в развитии народного сознания болгар¹⁶. Весьма интересно, как замечает Христо Манолакев, что автор видел смысл говорить о болгарях только в контексте их отношений к русским. Выводя из небытия малоизвестный русскому читателю славянский народ, Венелин выделяет и акцентирует присутствие своего в «чужом», т.е. доказывает, насколько русские близки к «иностранным» болгарам»¹⁷. Из историко-научных и эмоционально-артистических элементов Венелин создавал миф, которым вдохновил болгарских возрожденческих деятелей, прежде всего писателей:

¹⁴ По: И. Радев, *История на българската литература на възрождането*, Издателство «Абагар», Велико Търново 1997, с. 72.

¹⁵ См. там же, с. 73.

¹⁶ См.: М. Todorova, *Imagining the Balkans...*, с. 83.

¹⁷ Х. Манолакев, *За знаците на миналото в българската възрожденска култура*, «LiterNet» 2005, <https://litenet.bg/publish/hmanolakev/ruinite.htm> (02.03.2023).

Петко Славейкова, Добри Чинтулова, Васи́ла Друмева и др. В 30-е годы, когда среди болгар усилился процесс формирования народного сознания, такой тип эмоциональности был для болгарского читателя важнее чем научные аргументы. Вокруг идеи Венелина стали концентрироваться душевные силы болгар¹⁸. Один из великих учителей болгарского народа, выпускник Московского университета Любен Каравелов писал, что благодаря Венелину произошло «моральное возрождение» нации¹⁹. Неофит Рилски, ссылаясь на «удивительного» Венелина, прославляющего славянскую общность, просит царя Николая и его «славный и знаменитый народ» о помощи «своей бедной сестре Болгарии»²⁰.

Активный центр славянофильски ориентированной болгарской молодежи был создан в Одессе в начале 40-х XIX в. Именно болгарские студенты представляли наиболее многочисленный отряд по сравнению с другими учащимися из южнославянских стран. За период от Крымской войны до Освобождения в 1878 году в российских учебных заведениях получило образование 267 болгар, а четыре пятых болгарских учителей были подготовлены в России. Одесский круг болгарских литераторов формировал новые культурные направления и реализовал первые автономные формы возрожденческой литературы²¹. Под эгидой русских славянофилов в Одессе был создан первый небольшой сборник болгарских пословиц и народных песен.

Для многих болгарских писателей мастерами были русские авторы. Любен Каравелов сатиры учился у Николая Гоголя, публицистики у Александра Герцена и Николая Чернышевского. Почти два десятилетия Каравелов сочинял на русском языке,

¹⁸ См. Г. Д. Гачев, «Древние и нынешние болгаре» *Венелина как научно-художественное произведение и национальный миф* // Ю. И. Венелин в *Болгарском Возрождении*, ред. Г. К. Венедиктов, Институт славяноведения и балканистики РАН, Москва 1998, с. 27–51.

¹⁹ См. Л. Каравелов, *Събрани съчинения в дванадесет тома*, т. 6, Български писател, София 1985, с. 372.

²⁰ По: А. Бурмов, С. Стойков, *Предосвобожденски стихотворци*, Казанлъшка долина, София 1938, с. 13.

²¹ См. Е. Налбантова, *Одеса в българската история и литература*, Друк, Одеса 2006; Е. Тачева, *Одесса и Одесский круг болгарских литераторов в литературном контексте Болгарского возрождения*, пер. Е. М. Суловой // *Болгария и Россия (XVIII–XX вв.): взаимопознание*, ред. Г. Д. Гачев, Р. Дамьянова, Институт славяноведения РАН&Институт литературы БАН, Москва 2010, с. 180–190.

пытаясь познакомить русского читателя с болгарским мученичеством и освободительными идеями. После Крымской войны писатель разочаровался в образе России, покровительницы братьев славян, однако до конца жизни сохранил иллюзию о самостоятельной, оригинальной дороге развития славянских народов. Еще в 1873 г. в «Независимости» писал: «Помогите нам снять с нашей шеи турецкое [...] ярмо, развяжите нам руки и дайте нам возможность обрести свою собственную волю»²². Поражение России в Крымской войне стало переломным моментом для многих традиционно настроенных болгар, погруженных в волшебном сне о «России — освободительнице». Часть русофилов

[...] уже не хочет таковыми называться. Облегчения участи страны ищут даже в милости султана, в смене религии, в восстании. Вера, надежда и любовь к России пошатнулись, особенно у политизированной интеллигенции, настойчиво искавшей свой путь к национально-церковному освобождению страны и собиранию исторических земель²³.

От восхищения к разочарованию пришел также поэт, писатель и публицист Георгий Сава Раковский; один из «четырёх великих» апостолов свободы рядом с Христо Ботевым, Любеном Каравеловым и Василем Левским. В 50-е годы Раковский писал оды в честь царя Николая I, но уже несколько лет позже называл его политику «убийственной и злобной» для болгар: «Русское правительство, которое до сих пор прельщало наших добродушных болгар всякими лукавыми и лживыми обещаниями, сейчас раскрывает своё лицо [...]»²⁴. С 1860 по 1861 год издавал в Сербии газету «Дунавски лебед», в которой резко критиковал Россию за переселения болгарских крестьян в Крым²⁵. Критике подвергался также церковный вопрос и идея панславизма, которую Раковский называл более опасной чем панэллизизм²⁶. Несмотря на

²² Л. Каравелов, *Събрани съчинения в дванадесет тома*, т. 8, Български писател, София 1986, с. 160.

²³ В. И. Косик, *Немного из истории русофильства и русофобства в Болгарии*, «Вестник ПСТГУ» [серия 2] 2016, № 2, с. 24.

²⁴ Г. С. Раковски, *Преселение в Русия или Руската убийствена политика за Българите*, предисл. З. Стоянов, Скоро-печатница на К. Т. Кушлев, София, 1886, с. 12.

²⁵ Впоследствии статьи вошли в состав брошюры *Преселение в Русия или Руската убийствена политика за Българите* [1861]. См. З. Стоянов, *Предисловие* // Г. С. Раковски, *Преселение в...*, с. 7.

²⁶ См.: А. Димов, *Дядо Иван. Мит или действителност*, Издателство «Аба-

учебу в Императорском Новороссийском университете в Одессе, увлечения российским революционным движением, переводы русских классиков на болгарский, иллюзий насчет российской политики не испытывал и Христо Ботев. Россия стала для него лишь мнимой защитницей. На страницах издаваемых в Румынии газет «Тъпан» и «Будилник» он помещал язвительные статьи против болгарских русофилов. Сотрудничающий с ним польский художник-сатирик Хенрик Дембицки, эмигрировавший в Бухарест после падения январского восстания, обогащал тексты Ботева весьма талантливыми карикатурами²⁷. Ботев — аллегорично упоминая Пушкина, и тем самым полемизируя с его *Клеветникам России* — отрицательно отнесся и к идее панславизма:

«Славянские ли реки сольются в русском море, или оно ль иссякнет?» [...] Ни один южный или западный славянин, ни один мыслящий человек вообще не станет симпатизировать с этой абстрактной русской идеей, осуществление которой было бы однозначно с поглощением целых народов, у которых ведь своя история, литература, обычаи, традиция²⁸.

Вторая мощная волна русофобства вспыхнула после освобождения 1878 года, когда, несмотря на факт, что русский Дед Иван принес болгарам долгожданную независимость, часть болгарских интеллектуалов высказала свои сомнения в его адрес. Захари Стоянов в письмах Ивану Аксакову благодарил русских братьев за свободу, но одновременно апеллировал не вмешиваться больше в болгарские дела. Русскую заботу называл разрушительной, от имени свободных болгар восклицал «Не хотим вашей татарской цивилизации!»²⁹. В первые десятилетия после освобождения, как замечает Антон Страшимиров, «новые поколения болгар входят в жизнь с чувствами и мыслями русского гражданства. И это создает психологическую трагедию:

гар», Велико Търново 2004, с. 147.

²⁷ См. Т. Силяновска-Димитрова, *Карикатурите на Хенрих Дембицки в «Тъпан» и «Будилник» // Христо Ботев. Сборник по случай сто години от рождението му*, ред. М. Димитров, П. Динеков, БАН, София 1949, с. 322–370; Т. Силяновска-Димитрова, *Нови данни върху творчеството на Х. Дембицки, художествения сътрудник на Хр. Ботев*, «Известия на Българското историческо дружество» 1948/49, кн. XXII–XXIV, с. 81–144.

²⁸ Х. Ботев, *Югославия*, «Дума на българските емигранти» 1871, № 4, с. 16.

²⁹ З. Стоянов, *Съчинения в три тома*, т. 3, Български писател, София 1966, с. 153.

старые и молодые разделены не по вопросам болгарской общности и болгарской государственности», но по своему отношению к России: «отцы [...] преклоняются перед [...] русским царем [...], а дети настроены нигилистически против [...]»³⁰. Современный болгарский историк Вера Бонева называет эту ситуацию своеобразным распятием между иллюзией о «доброй освободительнице» и «либерально-идеалистическим представлением о свободе»³¹.

Исключительно долго в состоянии русофильского восхищения жил отец болгарской литературы Иван Вазов. Еще до освобождения, а также многие годы позже выражал свою любовь к русскому народу:

Россия! Свято нам оно,
То имя милое, родное.
Оно, во мраке огневое,
Для нас надеждою полно.

Напоминает нам, скорбящим,
Что, всем забыты миром, мы
Любовью сладостной, хранящей
Озарены средь нашей тьмы.

Земля великая, Россия,
Всей ширью, светом, мощью — ты
С небесной только схожа синью,
С душою русской широты³².

Объектом особого восхищения вплоть до сакрализации многократно являлся русский царь³³. Как замечает Александр Кёсев:

³⁰ А. Страшимиров, *Диктаторътъ. Нови Проучвания Върху Живота И Личността На Стефан Стамболов*, кн. 3, Печатница «Художникъ», София 1935, с. 14–15.

³¹ В. Бонева, *Две малки Българици в сянката на две големи империи*, «Участие» 1997, № 7, с. 8.

³² И. Вазов, *Россия*, пер. Н.Тихонова // И. Вазов, *Сочинения в 6 томах*, т. 1., Гослитиздат, Москва 1956, с. 120–121.

³³ Ср. также слова великого поэта эпохи Возрождения Петко Славейкова: «Русский царь на земле самый великий, над всеми первый, русские наши братья, наша плоть и наша кровь. Такой, как Россия, нет могущественнее в мире, она наша опора, она наша высота! Русская сила, русская воля, русская кровь и русский пот избавят от неволи наш павший народ. Бог поддерживает крепкую мышцу и руку спасительную, Он вложил в ее десницу саблю отмстительную. Нам Россия есть надежда, русский царь — наше спасение,

Сама Россия» «хотя и братская и родственная, оказывается для национальной идеологии внешней, трансцендентной силой, именно поэтому ее действия для освобождения братьев-болгар сливаются в один божественно-трансцендентный акт высшей справедливости, который во всяком другом отношении оказывается непроницаемым и непостижимым — как непроницаемо и непостижимо вмешательство Бога, восстанавливающего правду³⁴.

Евангельский код присутствует в многих стихотворениях Вазова: русский царь-освободитель сопоставляется с Христом, воскрешающим Лазаря (*У могилы Царя-освободителя*), «Россия» рифмуется с «Мессия» (*Россия*)³⁵. Конечно нельзя забывать о том, что сакрализация монарха присуща культурам ориентированным на византийскую модель³⁶, однако в случае Болгарии особенно то, что «ситуация рабства порождает феномен сакрализации чужого монарха»³⁷. Черты хорошего Деда Ивана канонизирует Вазов в романе *Под игом*, где главный герой чорбаджа Мичо с непоколебимой верой и пафосом произносит слова:

Ты забыл еще кое о чем, — отозвался Мичо Бейзаде, — ты забыл сказать о России. Дед Иван набросится с севера на Царьград, и Царьграда как не бывало! Пророчество исполнится слово в слово.

Мичо подразумевал пророчество пресловутого Мартына Задеки, которому слепо верил³⁸.

Вазов сослался на пророчество известного (также в Болгарии) швейцарского отшельника XVIII века Мартина Задеки, проповедующего падение турецкой империи.

никто другой на нас не взглянет, не позаботится о нас. Немцы, франки, англичане иуды — наши неприятели, дружные с нашими тиранами, наши кровопийцы... Пусть смирятся интриганты и да здравствует русский Бог!». Цит по: В. И. Косик, *Немного из истории русофильства...*, с. 23.

³⁴ По: Д. Чавдарова, *Болгаро-русский диалог в творчестве Вазова: (не) проблематическая любовь // Болгария и Россия (XVIII–X вв.)...*, с. 340.

³⁵ Подробнее, см. там же, с. 340–341.

³⁶ См. Б. Успенский, В. Живов, *Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Б. Успенский, Избранные труды*, т. 1, Языки русской культуры, Москва 1996, с. 205–337; а также: Б. Успенский, *Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) // Б. Успенский, Избранные труды...*, с. 184–204.

³⁷ Д. Чавдарова, *Болгаро-русский диалог в творчестве Вазова...*, с. 341.

³⁸ И. Вазов, *Под игом*, пер. В. Володина, М. Клягиной-Кондратьевой и Я.Слонима // И. Вазов, *Сочинения в 6 томах*, т. 4., Гослитиздат, Москва 1957, с. 262.

Настоящей драмой для русофила Вазова было сражение русских войск с болгарскими в 1917 году (во время Первой мировой войны оба государства оказались в разных лагерях). Вчерашние друзья стали врагами. Если совсем недавно Вазов с радостью встречал братьев-Россиян, то теперь он с горем спрашивал, зачем пришли (стихотворение *Русским воинам*). Жалуется, что болгарский народ хотел преподнести русским солдатам цветы и плакать от радости, но братья не ответили взаимностью. Боль разочарования Вазова увеличил факт, что стихотворение вызвало живую дискуссию в русской прессе о неблагодарности освобожденного народа — Иуды³⁹. В Вазове произошла болезненная потеря веры в славянскую миссию России, но разлюбить «Дедушку Ивана» он так и не смог. Даже отсутствие официальной болгарской делегации на праздновании 18 июля 1888 в Киеве 900-летия крещения Руси, хотя сначала вызывает обиду болгарского писателя, в конечном счете находит оправдание. Кстати, в коммунистическом режиме русофильство Вазова было использовано для идеологизации дружеских отношений между Болгарией и Россией.

В 1944 году Дядо Иван очередной раз появился на болгарской земле в роли освободителя, укрепляя тем самым процес мифологизации взаимной любви. Возникшая после Второй мировой войны социалистическая Болгария, преклоняясь перед СССР, пыталась стать его 16-й республикой. Еще после падения Советского Союза и вступления Болгарии в 2000-х в Евросоюз и НАТО, многие болгары продолжали любить не только русскую культуру, но и Владимира Путина, в котором видели борца за традиционные православные ценности. И даже если война в Украине резко изменила рейтинг российского президента, комментарии на болгарских интернет-форумах свидетельствуют скорее всего о злободневности слов высказанных Дечкой Чавдаровой в первом десятилетии нулевых:

В Болгарии о взаимоотношениях с Россией никогда не говорят спокойно, в нейтральном тоне, а всегда со страстью, при помощи метафор любовного дискурса. [...] Мы постоянно слышим вечные вопросы, кто кого любит больше, кто кого разлюбил, кто кому изменил [...] ⁴⁰.

³⁹ См. М. Цанева, *Иван Вазов. Поетически път*, Университетско издателство «Св. Климент Охридски», София 1992, с. 127–128.

⁴⁰ Д. Чавдарова, *Болгаро-русский диалог в творчестве Вазова...*, с. 338; 351.

REFERENCES

- Aretov, Nicolay. "Forging the myth about Russia: Rayna, Bulgarian Princess." *Semantyka Rosji na Balkanach*. Sujecka, Jolanta. (Ed.). Vol. 1. Warszawa: Instytut Badań Interdyscyplinarnych „Artes Liberales” Uniwersytet Warszawski & Wydawnictwo DiG, 2011: 69–89.
- Aretov, Nikolay. "Izkovavaneto na mita za Rusia. Rayna balgarska knyaginya." *LiterNet*, 2012, no. 2 [Аретов, Николай. "Изковаването на мита за русия. Райна българска княгиня." *LiterNet* 2012, no. 2] <<https://litenet.bg/publish8/naretov/russia.htm>>.
- Aretov, Nikolay. *Sofroniy Vrachanski: zhivot i delo*. Sofia: Kralitsa Mab, 2017 [Аретов, Николай. *Софроний Врачански: живот и дело*. София: Кралица Маб, 2017].
- Boneva, Vera. "Dve malki Balgarii v syankata na dve golemi imperii." *Uchastie*, 1997, no. 7 [Бонева, Вера. "Две малки Бългрии в сянката на две големи империи." *Участие*, 1997, no. 7].
- Botev, Hristo. "Yugoslavia." *Duma na balgarskite emigranti 1871*, no. 4. 16 [Ботев, Христо. "Югославия." *Дума на българските емигранти 1871*, no. 4. 16].
- Burmov, Aleksandar. Stoykov, Stoyko. *Predosvobozhdenski stihotvortsi*. Sofia: Kazanlashka dolina, 1938 [Бурмов, Александър. Стойков, Стойко. *Предосвободенски стихотворци*. София: Казанлъшка долина, 1938].
- Chavdarova, Dechka. "Bolgaro-russkiy dialog v tvorchestve Vazova: (ne)problematiceskaya lyubov'." *Bolgariya i Rossiya (XVIII–XX vv.): vzaimopoznaniye*. Gachev, Georgiy Dmitriyevich, and Damyanova, Rumyana. (Eds.). Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN&Institut literatury BAN, 2010: 338–351 [Чавдарова, Дечка. "Болгаро-русский диалог в творчестве Вазова: (не)проблематическая любовь." *Болгария и Россия (XVIII–XX вв.): взаимопознание*. Гачев, Георгий Дмитриевич, Дамянова, Румяна. (Ред.). Москва: Институт славяноведения РАН&Институт литературы БАН, 2010: 338–351].
- Dimov, Asen. *Dyado Ivan. Mit ili deystvitelnost*. Veliko Tarnovo: Izdatelstvo "Abagar", 2004 [Димов, Асен. *Дядо Иван. Мит или действителност*. Велико Търново: Издателство "Абагар", 2004].
- Gachev, Georgiy Dmitriyevich. "'Drevniye i nyneshniye bolgare' Venelina kak nauchno-khudozhestvennoye proizvedeniye i natsional'nyu mif." *Yu. I. Venelin v Bolgarskom Vozrozhdenii*. Venediktov, Grigoriy Kupriyanovich. (Ed.). Moskva: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1998: 27–51 [Гачев, Георгий Дмитриевич. "'Древние и нынешние болгаре' Венелина как научно-художественное произведение и национальный миф." *Ю. И. Венелин в Болгарском Возрождении*. Ред. Венедиктов, Григорий Куприянович. Москва: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1998: 27–51].
- Geller, Mikhail. *Istoriya Rossiyskoy Imperii*. Vol. 1. Moskva: Izdatel'stvo "MIK," 1997 [Геллер, Михаил. *История Российской Империи*. Т. 1. Москва: Издательство "МИК," 1997].
- Goldsworthy, Vesna. *Inventing Ruritania. The Imperialism of the Imagination*. New Haven-London: Yale University Press, 1998.
- Karavelov, Lyuben. *Sabrani sachinenia v dvanadeset toma*. Vol. 6. Sofia: Balgarski pisatel, 1985 [Каравелов, Любен. *Събрани съчинения в дванадесет тома*. Т. 6. София: Български писател, 1985].

- Karavelov, Lyuben. *Sabrani sachinenia v dvanadeset toma*. Vol. 8. Sofia: Balgarski pisatel, 1986 [Каравелов, Любен. *Събрани съчинения в дванадесет тома*. Т. 8. София: Български писател, 1986].
- Kosik, Viktor Ivanovich. "Nemnogo iz istorii rusofil'stva i rusofobstva v Bolgarii." *Vestnik PSTGU* [seriya 2] 2016, no. 2: 22–30 [Косик, Виктор Иванович. "Немного из истории русофильства и русофобства в Болгарии." *Вестник ПСТГУ* [серия 2] 2016, no. 2: 22–30].
- Makarova, Irina Feliksovna. *Bolgarskiy narod v XV–XVIII vv.* Moskva: Komkniga, 2005 [Макарова, Ирина Феликсовна. *Българският народ в XV–XVIII вв.* Москва: КомКнига, 2005].
- Manolakev, Hristo. "Za znatsite na minaloto v bulgarskata vazrozhdenska kultura." [Манолакев, Христо. "За знаците на миналото в българската възрожденска култура." *LiterNet*, 2005] <<https://litenet.bg/publish/hmanolakev/ruinite.htm>>.
- Nalbantova, Elena. *Odesa v bulgarskata istoria i literatura*. Odesa: Druk, 2006 [Налбантова, Елена. *Одеса в българската история и литература*. Одеса: Друк, 2006].
- Pamyatniki bolgarskogo narodnogo tvorchestva*. Sobr. Kachanovskiy, Vladimir. Вып. I. *Sbornik zapadnobolgarskikh pesen*. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1882 [*Памятники болгарского народного творчества*. Собр. Качановский, Владимир. Вып. I. *Сборник западноболгарских песен*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1882].
- Radev, Ivan. *Istoria na bulgarskata literatura na vazrazhdaneto*. Veliko Tarnovo: Izdatelstvo "Abagar," 1997 [Радев, Иван. *История на българската литература на възраждането*. Велико Търново: Издателство "Абагар," 1997].
- Rakovski, Georgi Stoykov. *Preselenie v Rusia ili Ruskata ubiystvena politika za Balgarite*. Predisl. Stoyanov, Zahariy. Sofia: Skoro-pechatnitsa na K. T. Kushlev, 1886 [Раковски, Георги Стойков. *Преселение в Русия или Руската убийствена политика за Българите*. Предисл. Стоянов, Захарий. София: Скоро-печатница на К. Т. Кушлев, 1886].
- Silyanovska-Dimitrova, Tatyana. "Karikaturite na Henrih Dembitski v 'Tapan' i 'Budilnik'." Hristo Botev. *Sbornik po sluchay sto godini ot rozhdenieto mu*. Dimitrov, Mihail, and Dinekov, Petar. (Eds.). Sofia: BAN, 1949: 322–370 [Сияляновска-Димитрова, Татяна. "Карикатурите на Хенрих Дембицки в 'Тъпан' и 'Будилник'." Христо Ботев. *Сборник по случай сто години от рождението му*. Димитров, Михаил, Динеков, Петър. (Ред.). София: БАН, 1949. 322–370].
- Silyanovska-Dimitrova, Tatyana. "Novi dannii varhu tvorchestvoto na H. Dembitski, hudozhestvenia satrudnik na Hr. Botev." *Izvestia na Bulgarskoto istorichesko druzhestvo* 1948/49, kn. XXII–XXIV: 81–144 [Сияляновска-Димитрова, Татяна. "Нови данни върху творчеството на Х. Дембицки, художествения сътрудник на Хр. Ботев." *Известия на Българското историческо дружество* 1948/49, кн. XXII–XXIV: 81–144].
- Sinitsyna, Nina Vasil'yevna. *Tretiy Rim. Istoki i evolyutsiya russkoy srednevekovoy kontseptsii (XV–XVI vv.)*. Moskva: Izdatel'stvo "Indrik," 1998 [Синицына, Нина Васильевна. *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.)*. Москва: Издательство "Индрик," 1998].

СОИ О РОССИИ...

- Snegarov, Ivan. *Kulturni i politicheski vrazki mezhdu Bulgaria i Rusia prez XVI–XVIII vv.* Sofia: Sinodalno knigoizdatelystvo, 1953 [Снегаров, Иван. *Культурни и политически връзки между България и Русия през XVI–XVIII вв.* София: Синадално книгоиздателство, 1953].
- Stoyanov, Ivan Iliev. *Istoria na Balgarskoto vazrazhdane.* Veliko Tarnovo: Izdatelstvo «Abagar», 1999 [Стоянов, Иван Илиев. *История на Българското възрождение.* Велико Търново: Издателство «Абагар», 1999].
- Stoyanov, Zahari. *Sachinenia v tri toma.* Vol. 3. Sofia: Balgarski pisatel, 1966 [Стоянов, Захари. *Съчинения в три тома.* Т. 3. София: Български писател, 1966].
- Strashimirov, Anton. *Diktatorata. Novi Prouchvania Varhu Zhivota I Lichnostta Na Stefan Stambolov.* Kn. 3. Sofia: Pechatnitsa “Hudozhnika,” 1935 [Страшимиров, Антон. *Диктаторътъ. Нови Проучвания Върху Живота И Личността На Стефан Стамболов.* Кн. 3. София: Печатница “Художникъ,” 1935].
- Tacheva, Yelena. “Odessa i Odesskiy krug bolgarskikh literatorov v literaturnom kontekste Bolgarskogo vrozhdeniya.” Transl. Suslova, Yevgeniya Mikhaylovna. *Bolgariya i Rossiya (XVIII–XX vv.): vzaimopoznaniye.* Gachev, Georgiy Dmitriyevich, and Damyanova, Rummyana. (Eds.). Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN&Institut literatury BAN, 2010: 180–190 [Тачева, Елена. “Одесса и Одесский круг болгарских литераторов в литературном контексте Болгарского возрождения.” Пер. Сулова, Евгения Михайловна. *Болгария и Россия (XVIII–XX вв.): взаимопознание.* Ред. Гачев, Георгий Дмитриевич, and Дамянова, Румяна. Москва: Институт славяноведения РАН&Институт литературы БАН, 2010. 180–190].
- Todorova, Maria. *Imaging the Balkans.* New York: Oxford University Press, 2009.
- Trifonov, Yurdan. “Istorighesko obyasnienie na vyarata v ‘Dyada Ivana’ (Rusia) u balgarskia narod.” *Biblioteka na Slavyanska Beseda* [Sofia], 1908, no. 1: 26–56 [Трифонов, Юрдан. “Историческо объяснение на вярата в ‘Дяда Ивана’ (Русия) у българския народ.” *Библиотека на Славянска Беседа* [София], 1908, кн. 1: 26–56].
- Tsaneva, Milena. *Ivan Vazov. Poeticheski pyt.* Sofia: Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Ohridski, 1992 [Цанева, Милена. *Иван Вазов. Поетически път.* София: Университетско издателство “Св. Климент Охридски,” 1992].
- Uspenskiy, Boris. *Izbrannyye trudy.* Vol. 1. Moskva: Yazyki russskoy kul’tury, 1996 [Успенский, Борис. *Избранные труды.* Т. 1. Москва: Языки русской культуры, 1996].
- Vazov, Ivan. *Sochineniya v 6 tomakh.* Vol. 1. Moskva: Goslitizdat, 1956 [Вазов, Иван. *Сочинения в 6 томах.* Т. 1. Москва: Гослитиздат, 1956].
- Vazov, Ivan. *Sochineniya v 6 tomakh.* Vol. 4. Moskva: Goslitizdat, 1957 [Вазов, Иван. *Сочинения в 6 томах.* Т. 4. Москва: Гослитиздат, 1957].